Мито, оказавшись в тяжелом положении, попыталась сдвинуться с места. Однако жар, исходящий от столбов пламени, был непреодолим, и она чувствовала себя невыносимо. Интенсивность огня поглощала чакру с ужасающей скоростью, оставляя ей лишь несколько вариантов. Собрав все силы и направив энергию в последнее мгновение, она вновь выпустила бомбу многохвостого зверя. Мощная атака была направлена на огненные колонны, но, к ее ужасу, по мере приближения бомбы она исчезала в воздухе. Словно пламя растворило ее в небытии, и Мито впала в полное недоумение.

Решив не сдаваться, Мито вызвала свои адамантиновые цепи, которые были покрыты всеми девятью хвостами Девятихвостого. Она с большой точностью управляла хвостами и изо всех сил атаковала огненные столбы, надеясь их одолеть. Однако ее усилия оказались неэффективными против сильного пламени. Адамантиновые цепи не смогли пробить столбы, и Мито почувствовала себя беспомощной и не знала, что предпринять дальше.

Мито боролась с жаром и пламенем, а Кагуцути стоял, казалось, без сил в аду. Сцена выглядела почти сюрреалистично, как будто все это было иллюзией. Однако это было далеко не так. Кагуцути действительно стоял среди пламени, но оно не представляло для него никакой угрозы. Ведь он владел Рюджин Дзякка - мощным оружием, благодаря которому огонь казался ему всего лишь неприятностью.

Крепко сжимая в руке свой грозный Рюджин Дзякка, Кагуцути за секунду исчез с прежнего места. Затем он материализовался позади Девятихвостого зверя с изяществом, которое не соответствовало его огромной силе. Внезапность его движения была почти ошеломляющей, но спокойствие оставалось неизменным.

"Первый: Смертельный удар".

Полупрозрачное тело Девятихвостого зверя, покрытое золотистой чакрой, было рассечено надвое мощным Рюджином Дзякка Кагуцути. Оглушительный рев разнесся по всей округе, когда тело зверя было разорвано на части. Когда-то сияющая и внушительная фигура Девятихвостого зверя превратилась в угасающую тень, превратилась в тусклое мерцание золотистого света, которое медленно рассеивалось в воздухе.

Когда девятихвостый зверь исчез, Мито смогла преодолеть его форму и упала на землю, чувствуя унижение от своего поражения. От удара Мито упала на землю, с трудом восстанавливая самообладание. Дыхание было прерывистым, она пыталась осмыслить произошедшее. Несмотря на всепоглощающее чувство поражения, она не сдавалась.

Взмахом руки, Кагуцути развеял огненные столбы, окружавшие его и Мито. Пламя рассеялось в воздухе, оставив после себя шлейф дыма и пепла.

Увидев внезапное исчезновение пламени, Мито попыталась подняться на ноги. Однако ей это не удалось, и она опустилась на землю, чувствуя себя побежденной и безнадежной.

- Зачем ты развеял огонь? - пробормотала она, ее голос едва превышал шепот.

- Просто дай мне умереть, - добавила она с тяжелым отчаянием. Поражение, которое она ощущала, было непреодолимым, и она не могла представить себе, как можно продолжать сражение.

- Ты можешь бросить свою семью, но я не такой, как ты, - проговорил Кагуцути, подходя к Мито и становясь прямо перед ней.

- Я не могу заставить себя собственными руками убить свою племянницу, - продолжал он, его голос был тверд и решителен.

- Я хотел лишь наказать тебя и деревню Коноха за их предательство, и больше ничего, - добавил он, глядя на нее ровным и непоколебимым взглядом. Несмотря на вражду между ними, в словах Кагуцути прозвучало такое сострадание и понимание, какого Мито никак не ожидала. Она молчала, не зная, как реагировать на его неожиданное проявление милосердия.

Кагуцути убрал в ножны свой Рюджин Дзякка, и меч превратился в простой на вид костыль. Затем он поправил одежду, надев черное косодэ, прикрывавшее верхнюю часть тела, и белое хаори, развевавшееся на ветру, когда оно вновь появлялось через плечо. Трансформация его оружия в сочетании с изменением внешности создала атмосферу спокойствия и умиротворения.

Мито была потрясена увиденным. Кагуцути выглядел совершенно невредимым, как будто и не участвовал в ожесточенной схватке несколько минут назад. Его одежда была чистой, без единого разрыва или пятнышка, на лице не было следов травм или усталости. Мито не могла отделаться от чувства неверия и удивления по поводу его стойкости. Она боролась за выживание изо всех сил, а Кагуцути, казалось, был цел и невредим. Это было свидетельством его силы и могущества, и Мито не могла не испытывать по отношению к нему чувство восхищения и страха.

Узумаки Кагуцути произнес твердым и непоколебимым тоном: - Если бы я хотел убить тебя, я бы сделал это без всяких раздумий. Я мог бы легко разрубить пополам и тебя, и Девятихвостого.

В его словах чувствовалась какая-то решимость, отчего Мито стало не по себе. Кагуцути подошел к ней и осторожно коснулся ее лба кончиком своего костыля. Он закрыл глаза, и от костыля исходил резкий всплеск энергии, окутавший Мито ярким светом. Энергия рассеялась так же быстро, как и появилась, оставив Мито в замешательстве и растерянности. Она не могла понять, что только что произошло, и чувство тревоги внутри нее только усиливалось.

Смятение и тревога, Мито были заметны в ее голосе, когда она спросила Кагуцути:

- Что ты только что сделал?

Ее взгляд был прикован к нему, и она искала в его выражении лица хоть какой-то намек на ответ. Она не могла отделаться от ощущения, что что-то изменилось, что какая-то часть ее самой изменилась каким-то непонятным для нее образом.

Ответ Кагуцути был прямым и точным.

- Я наложил печать на твою душу. Ты никогда не сможешь поделиться с другими знаниями о техниках запечатывания и не сможешь использовать эти техники для других людей. Если ты попытаешься это сделать, твоя душа будет поглощена пламенем.

Его слова повисли в воздухе, оставив у Мито чувство шока и отчаяния. Искусство запечатывания было одной из самых больших ее надежд, и даже если она проиграет, а Кагуцути уберет барьер с деревни, она сможет восстановить его со временем, но теперь это невозможно.

Мито опустила голову, тихо прошептав: - Неужели нельзя простить Коноху и оставить прошлое в прошлом?

Ее сердце было тяжело от горя, и она изо всех сил старалась принять всю тяжесть поступка Кагуцути. Мысль о том, что она не сможет использовать техники запечатывания, которые так долго определяли ее судьбу, была почти невыносима. Но еще более сокрушительным ударом была мысль о том, что она никогда не сможет поделиться своими знаниями с кем-либо еще. Как будто у нее в один миг отняли всю ее сущность.

http://tl.rulate.ru/book/89986/3187019